

В. В. КОЖИНОВ

Единая, целостная¹

Когда речь идет о тысячелетних корнях нашей национальной культуры, то мы должны иметь в виду не только эти корни, но и те гораздо более поздние плоды, которые неразрывно с ними связаны.

Мне кажется, мы далеко не всегда ясно представляем себе историю нашей национальной культуры как бесконечно многообразное, но все же единое, целостное движение, далеко не всегда сознаем истинную роль тысячелетних корней и в сегодняшней нашей культуре, и в культуре последних двух столетий.

Во-первых, во многих работах и, естественно, в представлениях людей, нередко получается так, что образуется своего рода непроходимая грань между древней русской культурой и культурой после петровской, культурой XIX и XX веков. Характерно, что существуют как бы отдельно друг от друга науки о древней русской культуре и о новой культуре, и только очень немногие преодолевают этот разрыв.

Во-вторых, во многих работах и, естественно, в представлениях людей подлинно национальной считается по преимуществу допетровская культура, то есть прежде всего древние храмы и терема, иконы и фрески, песни, сказки, былины, а в культуре XIX–XX веков национальные черты как бы замутнены, ослаблены, и подлинно национальным нередко признается лишь то, что непосредственно, подчеркнуто перекликается с древними традициями зодчества, живописи, с устным народным творчеством. Приходилось сталкиваться с тем, что, например, поэт Кюльцов признается глубоко национальным, ярко воплотившим в своем творчестве собственно русские черты, а его современник

Тютчев рассматривается как поэт, в творчестве которого как бы стерты и нивелированы национальные признаки.

Представляется бесспорным, что у каждого народа, прошедшего длительный путь исторического развития и его основные стадии, существуют как бы две эпохи в истории национальной культуры. В какой-то исторический момент происходит то, что можно назвать осознанием своей национальной культуры и ее значения, и вместе с тем именно в этот момент происходит выход национальной культуры на мировую арену.

Период формирования национального самосознания в России начался в Петровскую эпоху и закончился в Пушкинскую. В этот период русская культура перестает жить только своей внутренней жизнью, сосредоточенной в самой себе, она стремится утвердить свое место в общечеловеческой культуре². При этом культура неизбежно вбирает в себя черты других культур, хочет говорить на языке, который был бы понятен всем, но в то же время именно тогда она действительно обнаруживает свою самобытную глубину и мощь, свою ценность и богатство. Более того, именно тогда обнаруживается подлинно мировое значение тех ценностей, которые были созданы ранее.

Так, именно после того, как мир прочитал Л. Толстого, Достоевского, Чехова, услышал Глинку, Мусоргского, Чайковского, Римского-Корсакова, он смог понять и оценить древнерусское зодчество, живопись, поэзию.

Между тем мы нередко разрываем древнюю и новую русскую культуру и не чувствуем глубокой национальной природы новой культуры.

Обратимся к Пушкину — человеку, который вместе с Глинкой, А. Ивановым, Лобачевским и другими гениальными деятелями в различных сферах создавал новую русскую культуру, утвердившую себя на мировой арене. В подавляющем большинстве работ о Пушкине — я не преувеличиваю, именно в подавляющем большинстве — его творческое становление изображается как смена увлечений сначала французской поэзией, затем Байроном, наконец, Шекспиром, Гете и т. п. Все это с формальной точки верно, но именно с чисто формальной точки зрения. Пушкин освоил форму других культур и как бы пробовал говорить на художественных языках всех народов мира — Запада и Востока. Трудно назвать культуру, форму которой он не по-

пытался бы освоить, но говорил-то он на всех этих языках свое, русское, и это наиболее важно. Он не брал у других, а стремился сопоставить свое с чужим, стремился перед лицом целого мира выразить то, что русский народ накопил за тысячелетие своего исторического бытия.

Не могу не сказать вот о чем. Мне довелось приобрести ряд новых книг о Новгороде и Пскове. Большинство из них заканчивают изложение на XV веке, — как будто после этого корни засохли и не давали уже новых побегов. И даже в тех книгах, которые доведены до XIX–XX веков, ни разу не встречается хотя бы упоминание о том, что именно здесь, на новгородско-псковской земле обрел зрелость гений Пушкина. Если рассматривать проблему неформально, а по существу, то между творчеством Пушкина и древней культурой Новгорода и Пскова существует глубочайшая связь.

Пушкин приехал впервые в Новгород, когда ему было 12 лет, был здесь и за год до смерти; всего же он бывал в Новгороде раз двадцать. Пушкин прожил два года в ссылке в Михайловском, много раз приезжал сюда, проведя в общей сложности здесь три года, то есть седьмую часть своей сознательной жизни. Уже в 1822 году Пушкин замыслил написать драму из новгородской жизни — о Вадиме Храбром, Вадиме Новгородском. Как только он приехал в 1824 году в Михайловское, Сергей Волконский, известный декабрист, писал ему: «Соседство и воспоминания о Великом Новгороде, о вечевом колоколе и об осаде Пскова будут для Вас предметом пиитических занятий». В январе 1825 года о том же писал ему Рылеев: «Ты идешь шагами великана и радуешь истинно русские сердца <...> Ты около Пскова <...> Это настоящий край вдохновения»³.

Пушкин, живя в Михайловском, постоянно читает «Историю государства Российского» Карамзина и летописи, он ходит по ярмаркам и слушает народные песни, собирает несколько десятков этих песен, и они становятся фундаментом знаменитого собрания Петра Киреевского.

Именно из Михайловского в июле 1825 года Пушкин написал Николаю Раевскому: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить»⁴.

Можно утверждать, что эта зрелость гения, которая пришла именно здесь, связана с тем многообразнейшим историческим

богатством, которое открыла Пушкину Новгородская и Псковская земля.

Естественно встает вопрос: и Рылеев, и Волконский говорили о том, что Пушкин найдет здесь поэтическое вдохновение, найдет предмет для поэтических занятий, а Пушкин вместо этого написал в Михайловском «Бориса Годунова» — произведение, повествующее о другой эпохе, произведение, действие которого разворачивается в Москве, и, хотя Пушкин упоминает в нем о «бурном новгородском вече», он все же не воспользовался непосредственно его окружающим.

Что здесь можно сказать? Прежде всего, древний Новгород был слишком отдален от той эпохи, в которую творил Пушкин, а Смутное время было гораздо ближе. Вспомним: несмотря на то что теперь гораздо больше известно о жизни древнего Новгорода, чем было известно во времена Пушкина, до сих пор не существует подлинно художественного произведения, которое воскресило бы жизнь древнего Новгорода. Конечно, Пушкину было очень трудно писать о той эпохе, да, может быть, и сейчас еще не настало время для этого.

Но дело не только в этом. Поэт не ставит своей задачей охватить все, и дело не в теме, дело во внутреннем пафосе, дело в том, чтобы вобрать в себя эту тысячелетнюю историю и на ней основывать свое мировоззрение, на ней строить свое творчество.

Не забудем, что Пушкин, которого многие обвиняли в том, что он кичится своим шестисотлетним дворянством (причем Пушкин даже добавлял: «мое дворянство старее»), написал в «Родословной» такие строки:

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил.

Он привел себя как человека, как поэта, как творца новой русской культуры именно на новгородскую почву, к тысячелетним корням русской земли.

Особенно интересна в этом отношении статья Пушкина о «Марфе Посаднице», трагедии Михаила Погодина. Трагедия эта — произведение, не имеющее классических достоинств и, в какой-то степени заслуженно, сейчас забытое. Между тем Пушкин очень высоко ценил эту трагедию. Он писал: «Автор

„Марфы Посадницы“ имел целью развитие важного исторического происшествия: падения Новгорода, решившего вопрос о единой державии России. Два великих лица представлены ему были историей. Первое — Иоанн, во всем его грозном и хладном величии, второе — Новгород <...> Драматический поэт, беспристрастный, как судьба, должен был изобразить <...> отпор погибающей вольности как <...> удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою»⁵. Пушкин видел в этом произведении Погодина драму, в которой обе стороны правы. Он проникновенно сознавал, что истинные трагедии рождаются именно из таких коллизий. Пушкин видел в падении Новгорода историческую трагедию. Про лучшие сцены «Марфы Посадницы» он написал, что они «достоинства шекспировского». Погодин в своем дневнике заметил по поводу столь высоких похвал: «Да не слишком ли он воображает сам здесь?»⁶ — то есть он считал, что Пушкин ценит не его драму, а то, что совершается в связи с ней в его творческом воображении.

Но вернемся к нашей основной теме. Говоря о новгородской и древнерусской культуре в целом, мы должны помнить, что Пушкинская эпоха — это эпоха становления русской культуры как непосредственно мировой культуры. В то же время Пушкинская эпоха явилась эпохой национального возрождения. Может быть, это звучит странно, потому что у нас нет канонической концепции целостного развития русской культуры.

Мне представляется, что в этом тысячелетнем развитии нужно различать три периода: XI–XV века — период высокого расцвета культуры; затем 300 лет государственного строительства — это период спада, ибо в это время все силы уходят на создание государства, а культурное творчество отодвигается на второй план; и третий период — период возрождения, период формирования национального самосознания.

Ценности, созданные гением национального русского зодчества в XI–XV веках, равны всему высшему, что создала мировая архитектура — античная и раннеготическая, средневековая армянская и грузинская. Храм Спаса на Нередице и собор Мирожского монастыря, фрески Рублева и Дионисия, былины о Садко и Василии Буслаеве — все это принадлежит к высшим достижениям мировой художественной культуры.

Мы, наконец, кажется, уяснили для себя совершенно ясно и неопровержимо, что архитектура древних храмов и живопись икон — это произведения, в которых воплотилось целостное мироощущение народа, что это не чисто религиозная культура. До сих пор как-то не признано, что подлинная культура, и культура именно целостная, воплощающая дух народа, содержится и в том, что наполняло эти стены, — в том, что можно назвать православной литургией, тем действием, которое совершалось в бережно сохраняемых нами стенах.

Исследователями доказано, что русская православная литургия представляет собой трансформацию древнегреческой трагедии (в особенности пасхальная литургия), что она прямо идет от этого великого искусства театра, и, в сущности, православная литургия есть возвышенная опера, известная сейчас только по записям пения Шаляпина, исполняющего несколько частей православной литургии. А между тем на Западе издан целый ряд работ о православной литургии, которая ставится неизмеримо выше, чем католическое богослужение.

Мы не обращаем на это внимания, и может показаться, что в этих великолепных храмах ничто не совершалось, и неизвестно, зачем их воздвигали и зачем их расписывали великие мастера. Между тем древнерусская литургия давала возможность всем людям, всему русскому народу общаться ежедневно с великим искусством, с тем искусством, которое, например, запечатлено сейчас для нас в шаляпинских записях.

У этой литургии, у этого действия есть, между прочим, еще и поэтическая сторона, — тексты, которые исполнялись издавна в русских храмах, вовсе не простые переводы первоначальных христианских памятников. Даже если речь идет о переводах, все равно это то, что вошло в плоть и кровь русского языка и русского духа. Поэтическая стихия православной литургии оказала громадное воздействие на новую русскую культуру. Достаточно упомянуть о таком гениальном пушкинском произведении, как «Пророк», которое, безусловно, исходит из этой культуры и возвращает нас к действию, совершавшемуся в древнерусских храмах, действию, для которого они и были построены, чтобы служить как бы тем телом, в котором осуществляется напряженная духовная жизнь.

Пушкин и его современники возродили древнюю культуру в самых разных ее проявлениях. Пушкин, Глинка, А. Иванов постоянно обращались к этой древней культуре. Решающим условием становления зрелого творчества Александра Иванова было вовсе не то, что он познакомился, скажем, с итальянской живописью, а тот факт (иногда даже вообще не отмечаемый в работах о нем), что замечательный, незаслуженно забытый русский человек Федор Васильевич Чижов⁷ — ближайший друг Иванова, его покровитель, без которого он не создал бы своих великолепных картин, первым из русских искусствоведов открыл древнейшую русскую иконопись. И именно с того момента, когда Иванов соприкоснулся с этими иконами, начинается его художественная зрелость. (Это показано в превосходной монографии, принадлежащей М. В. Алпатову⁸.)

Национальное возрождение начала XIX века осуществлялось в разных направлениях — это «История» Карамзина, это деятельность декабристов, это творчество Пушкина и других крупнейших деятелей культуры того времени.

В XVII веке и особенно в послепетровское время, в XVIII веке, тысячелетние корни русской культуры во многом были забыты. Пушкин писал об одном из известных писателей XVIII века, что ему повредило «невежественное презрение к прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком и слепое пристрастие к новизне»⁹.

Не могу не провести здесь исторической аналогии: после величайшего всемирно-исторического переворота, совершившегося в XX веке, у нас также были люди, которые нанесли вред развитию культуры в силу своего невежественного презрения к прошедшему и слепого пристрастия к новизне.

Хочется закончить словами из «Евгения Онегина», которые, правда, не вошли в окончательный текст, но которые тем не менее прекрасны:

Блажен, кто понял голос строгий
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой...
Онегин едет, он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыни, грады и моря...

Среди равнины полудикой
Он видит Новгород Великий.
Смирились площади — среди них
Мятежный колокол утих...
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней...

Это можно сказать и сейчас. Да, церкви поникли, и колокол утих. Но прошлое не умирает. Оно только превращается в настоящее и будущее. И замечательные слова Пушкина — «кипит народ минувших дней» — можно отнести и к нам, к народу *наших* дней. Это ведь тот же русский народ, хотя и изменившийся. Его историческое и культурное творчество и есть та дорога, которую завещал нам Пушкин.

Итак:

Блажен, кто понял голос строгий
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой.

* * *

Я получил две записки в связи со своим сообщением; вопросы в обеих записках как-то перекликаются и, по-моему, существенны.

Первая записка: «Из каких методологических положений вы исходите, выдвигая тезис о том, что в развитии русской культуры надо различать три этапа: с древнейших времен до XV в. — расцвет, XVI–XVII–XVIII вв. — спад, XIX–XX вв. — подъем? Как это вашу периодизацию связать с марксистско-ленинским учением об общественно-экономической формации?»

Выдвигая эту концепцию истории развития русской культуры, я специально подчеркнул, что она не является канонизированной. У нас вообще нет канонизированной, то есть общепризнанной, концепции истории русской культуры и периодизации ее. Я, говоря о том, что этой канонизированной концепции нет, хотел подчеркнуть: то, что я говорю, естественно, может быть оспорено, хотя вместе тем я знаю людей, специалистов по исто-

рии культуры, разделяющих концепцию, которую я здесь предложил, и среди них, в частности, некоторые из участников нашей новгородской конференции. Я не могу сейчас обосновать эту концепцию, я не делал этого и в своем докладе и не делаю сейчас, потому что это слишком сложная и объемная задача. Я выдвинул ее как некоторую гипотезу, как такого рода положение, которое для своего обоснования нуждается в специальном исследовании, я бы сказал даже — в целом трактате.

Что касается последней части заданного вопроса, то, по-моему, выдвинутое мною положение никак не может противоречить марксистско-ленинской постановке вопроса. Потому что марксизм как раз тем и отличается, что дает наиболее всестороннюю постановку вопроса о развитии человеческого общества в целом, о развитии культуры, и можно сослаться на целый ряд высказываний классиков марксизма-ленинизма о том, что общее культурное развитие, художественное развитие в частности, не совпадает с социально-экономическим развитием. Есть знаменитое место в предисловии «К критике политической экономии» Маркса, где он специально ставит этот вопрос. Он говорит о несоответствии уровня развития человеческого общества в целом, прежде всего социально-экономического развития, и культурного развития, что характерно, в частности, для Древней Греции. Культура Древней Греции, как говорит Маркс, сохраняет значение до сих пор, оставив недостижимые образцы творчества, — несмотря на то, что социально-экономическое развитие Греции, конечно, далеко превзойдено современным техническим и социальным развитием¹⁰.

С другой стороны, есть известное суждение Маркса и Энгельса о значении немецкой культуры на рубеже XVIII–XIX веков, когда была создана великая немецкая философия, музыка, поэзия. Это была эпоха небывалого развития немецкой культуры, а социальное развитие страны далеко не отвечало этому передовому уровню культурного развития¹¹.

Вторая записка: «Исходя из вашего тезиса, что заботы о создании многонационального государства отвлекают от дел, связанных с развитием национальной культуры, можно сделать вывод, что нынешний период развития нашего государства характеризуется упадком русской культуры?»

Очень трудно ответить на вопрос, являемся ли мы людьми эпохи расцвета русской культуры. Пусть об этом скажут наши потомки.

С другой стороны, наше государство совершило огромный путь по созданию многонационального государства, но если ставить вопрос в историческом масштабе, то работа, которая была проделана в XVI–XVII веках, являлась более сложной и трудоемкой потому, что впервые ставился вопрос о целостной России.

Здесь я не могу не сослаться на превосходное суждение по поводу национальной политики Новгорода, которое мы услышали от Д. С. Лихачева, сказавшего, что эпохи становления национальных государств дают массу примеров национального гнета, но что русский народ проявил поразительно мирное и дружественное отношение к народам, жившим на осваиваемых им землях. Д. С. Лихачев говорил об отношении новгородцев к тем народам, которые находились и жили на новгородской земле. Если сравнить отношение русского народа к обитавшим на новгородской земле чуди, мордве, карелам и т. д. с отношением, например, американцев к индейским племенам, то ясно можно увидеть несоизмеримую разницу.

Не следует поэтому ставить вопрос таким образом, что все сделано сейчас, а раньше ничего не было сделано, и к тому же связывать это с упадком культуры. Постановка вопроса о современной культуре должна быть гораздо более широкой и сложной.